

Экономика региона: неформальные институты

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДАГЕСТАНЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОРНИ «ТРАДИЦИОНАЛИЗАЦИИ»*

Константин КАЗЕНИН

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института
прикладных экономических исследований,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82).
E-mail: kz@ranepa.ru

Ойковоча • Политика

OIKONOMIA • POLITIKA

Введение

Возвращение к традиционным формам регулирования тех или иных аспектов общественных отношений — феномен, наблюдаемый в разных частях мира в течение последних ста лет. Он был засвидетельствован, например, во многих странах Азии и Африки в процессе их деколонизации, когда разрушение регулирующих механизмов, установленных метрополией, нередко вызывало к жизни правовые системы, действовавшие до колонизации и основанные на обычаях коренных народов этих стран¹. В России повышение роли традиционных общественных отношений после распада СССР было засвидетельствовано преимущественно в регионах компактного проживания национальных меньшинств, прежде всего в республиках Северного Кавказа. Там в начале 1990-х годов наблюдалось возрождение прав или норм, действовавших до

Аннотация

В статье рассматриваются причины частичного возрождения на Северном Кавказе в постсоветское время неформального регулирования земельных отношений, основанного на нормах религиозного и традиционного права. На основании полевого исследования, проведенного автором в Дагестане, в статье показано, что данный процесс не может быть объяснен простым стремлением населения «возвратиться к традициям», а имеет жесткую экономическую мотивацию. Полученные в ходе полевого исследования данные о «традиционализации» анализируются в статье в рамках институциональной теории.

Ключевые слова: институциональная теория, институциональные изменения, неформальные институты, земельные отношения, Северный Кавказ.

JEL: O17.

* Статья подготовлена по материалам НИР «Роль конкуренции правовых систем в конфликтах на Северном Кавказе» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

¹ См., например: [Benda-Beckman, Benda-Beckmann, 2001; Dupret, 2006; Salim, 2009].

советских преобразований. По прошествии двух с половиной постсоветских десятилетий можно констатировать, что результаты такого возрождения были неодинаковыми в разных сообществах и в разных сферах регулирования: где-то «возврат к традициям» довольно быстро уступал место регулированию, основанному на российском законодательстве, а где-то, напротив, традиционные нормы показали свою жизнеспособность и действуют до сего дня.

С точки зрения институциональной теории возрождение традиционных форм регулирования общественных отношений ставит ряд важных вопросов. Очевидно, что такие формы регулирования являются примером неформальных институтов², то есть правил и норм, не закрепленных в государственном законодательстве, но действующих благодаря их поддержке со стороны определенных социальных групп. Тем самым «традиционализация» ведет к изменению существующей в социуме системы институционального регулирования. Институциональная теория утверждает, что изменения этой системы происходят при нарушении «институционального равновесия», то есть тогда, когда в обществе появляются силы, заинтересованные в изменении действующей системы институтов и готовые инвестировать в это изменение. Вопрос, однако, состоит в том, какие факторы обуславливают заинтересованность тех или иных социальных групп в изменении институтов именно в направлении «традиционализации». Кроме того, если возврат к традиционному регулированию приводит к достаточно стабильному существованию традиционных норм, то необходимо также объяснить, почему именно в этих случаях традиционные нормы оказываются жизнеспособными, а в других нет.

Вообще говоря, на вопрос о причинах выбора «традиционализации» как способа изменения действующих в обществе институтов возможны три варианта ответа.

1. Возрождение традиционных норм происходит там, где они в каком-то, пусть весьма усеченном, виде сохранялись до момента нарушения институционального равновесия.

2. Возрождение традиционных норм — результат имеющихся в обществе представлений об их желательности с религиозной или нравственной точки зрения.

3. Возрождение традиционных норм соответствует материальным интересам той части общества, которая борется за действие этих норм.

Разные варианты ответа обусловлены различными представлениями, сформировавшимися в современной институциональной теории. Первый вариант соответствует представлению об эволюционной природе институциональных изменений, сопротивляющейся резким «скачкам» от одних институтов к другим. Если выбор неформальных институтов при нарушении институционального равновесия обуслов-

² О понятии и основных особенностях функционирования неформальных институтов см., например: [Норт, 1997].

лен эволюционностью, то следует ожидать, что в каждом сообществе будут выбраны только такие институты, которые и до этого момента присутствовали в этом сообществе, по крайней мере в виде памяти об их существовании в предыдущие эпохи. Второй и третий вариант отражают известную теоретическую «развилку», касающуюся того, носят ли стимулы для введения неформальных институтов материальный или нематериальный характер.

Отметим, что три указанных варианта ответа не исключают один другого. При этом распространенные представления о традициях как о нормах, поддерживаемых в социуме ради «верности предкам» и не имеющих экономического фундамента в современной ситуации, позволяют предположить, что первый и второй варианты ответа предпочтительнее третьего. Однако эмпирические исследования, о которых пойдет речь в данной статье, показывают, что такое предпочтение оправданно далеко не полностью. Оказывается, что присутствующая в социуме память о традициях не является достаточным условием для возрождения традиционных норм: во многих случаях для такого возрождения требуются более конкретные мотивы, имеющие под собой не только религиозные и культурные основания. Эти мотивы могут быть либо материального (выгода определенной социальной группы от действия некоторой традиционной нормы), либо политического характера (например, возможность эффективной самоорганизации некоторого социума на основе традиционных норм). Более того, после введения неформальных институтов, основанных на традициях, дальнейшая их «жизнь» существенным образом зависит от экономических выгод и издержек их соблюдения или несоблюдения.

Такие выводы будут сделаны в данной статье на базе исследования земельных отношений в современном сельском Дагестане. В этой сфере в настоящее время действует целый ряд норм, которые восходят к исламскому религиозному праву (шариату) или к так называемому обычному праву, отражающему не требования религии, а исторически сложившийся уклад жизни дагестанских народов. Обе правовые системы играли значительную роль в хозяйственной жизни Дагестана вплоть до конца 1920-х годов, когда советские преобразования исключили возможность их действия³. Нормы двух систем в прошлом часто причудливо переплетались, вследствие чего применительно к Дагестану представляется обоснованным называть нормы обеих систем нормами традиционного права (или просто традиционными нормами).

Возрождению элементов досоветских основ регулирования общественных отношений в Дагестане, особенно в сельской местности, посвящено много исследований⁴. В них описывается восстановление сельской общины как формы самоорганизации жителей села,

³ См.: [Бабич, Бобровников, 2007].

⁴ См., например: [Албогачиева, 2012; Карпов, 2007, 2010; Соколов, 2013; Штырков, 2012; Казенин, 2014].

внедрение практики разрешения различных конфликтов на основе норм исламского права и т. д. Несколько меньшее место в указанных работах занимает анализ причин обращения дагестанского общества после распада СССР к досоветским формам регулирования. По-видимому, наибольшее внимание этому вопросу уделено в исследованиях В. О. Бобровникова, который показывает, что данный феномен был обусловлен «вакуумом регулирования», возникшим там после распада советской системы⁵. Это значит, что «традиционализация» как форма изменения институтов началась в тот момент, когда институциональное равновесие было серьезным образом нарушено. При этом нарушение состояло не столько в том, что имеющиеся институты более не соответствовали интересам каких-либо социальных групп, сколько в том, что они практически перестали действовать.

Однако сам факт нарушения институционального равновесия, как уже было отмечено, оставляет открытым вопрос о том, почему это нарушение привело именно к «традиционализации», а не к какому-либо другому изменению институциональной среды. Наши полевые исследования, проведенные в Дагестане в 2012—2014 годах, отчасти дают ответ на этот вопрос применительно к данному конкретному региону, где, по общему мнению исследователей, степень постсоветской «традиционализации» была одной из самых высоких. Оказывается, возврат к традиционным нормам в Дагестане был обусловлен не инерцией архаики, а сознательными решениями сообществ, в мотивах которых имелись материальные и нематериальные соображения.

В настоящей статье эти выводы будут обоснованы применительно к развитию земельных отношений в Дагестане в постсоветское время. По соображениям объема мы не рассматриваем всю совокупность и все вариации традиционных норм, действующих в земельной сфере, а ограничиваемся двумя достаточно простыми по содержанию нормами. Выбор именно этих норм обусловлен тем, что они существенно ограничивают рыночный оборот земли. «Антирыночный» характер этих норм, сокращающий возможность продажи и покупки земель, априори позволяет предположить, что действие этих норм не обусловлено экономическими факторами. Ограничение торговли невыгодно как потенциальным продавцам, теряющим возможность реализации своих активов, так и потенциальным покупателям, для которых блокируется возможность определенных сделок. Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что ограничения на оборот земли были возрождены в постсоветское время в Дагестане по вполне прагматическим мотивам. В разных селах эти мотивы были разными, и разной оказалась степень действенности традиционных земельных институтов.

В разделе 1 кратко охарактеризованы те нормы земельных отношений, восстановление которых мы рассматриваем. В разделе 2 охарактеризовано действие этих норм в четырех дагестанских селах,

⁵ См.: [Бобровников, 2009, 2010].

в которых проводились полевые исследования. Выбор сел для анализа в данной статье был обусловлен стремлением показать на ограниченном числе примеров разнообразие причин, по которым возрождаются традиционные нормы регулирования, а также имеющиеся различия в степени действенности этих норм. Рассматривая традиционные нормы земельных отношений в современном Дагестане, мы будем давать их характеристику на основе ключевых параметров, используемых в институциональной теории: помимо содержания каждой институциональной нормы, мы будем определять ее бенефициара, то есть социальную группу, которой выгодно действие данной нормы, и формы обеспечения действенности нормы⁶. В разделе 3 на основе рассмотренного полевого материала делаются выводы о социально-экономических причинах «традиционализации» и о перспективах ее углубления или ослабления в регионах Северного Кавказа.

1. Основные традиционные нормы земельных отношений в Дагестане

Традиционные нормы земельных отношений, существовавшие в Дагестане до советской коллективизации, описаны в: [Агларов, 2009; Карпов, 2007]. Как показано в этих работах, ключевую роль в традиционных дагестанских земельных отношениях играла сельская община, то есть самоорганизованный коллектив коренных жителей данного села. На протяжении веков самоорганизация общины отчасти имела религиозный характер (члены общины избирали имама мечети, мусульманского судью — кадия, в мечети проводились регулярные собрания всего взрослого мужского населения), а отчасти светский (например, членами общины избирался староста, ответственный за хозяйственные вопросы в селе). Традиционные правовые нормы требовали также, чтобы все наиболее значимые вопросы сельской жизни решало общее собрание сельской общины.

Для традиционных земельных отношений принципиальное значение имели границы земель, закрепленных за данным селом. Эти границы имели строго определенный характер и, за исключением особых спорных случаев, признавались соседними селами. При этом использование сельских земель самими членами сельской общины регламентировалось двумя жесткими правилами.

Во-первых, сельские земли делились на частные и общественные. Частные земли являлись наследуемой собственностью, допустимой к продаже. Общественные земли находились под управлением сельской общины. В их состав входили земли коллективного пользования (пастбища, скотопрогоны, в ряде случаев и сенокосы), а также земли, которые решением общины могли предоставляться отдельным ее членам

⁶ О применимости понятий институциональной теории к ситуации параллельного действия норм государственного и традиционного права на Северном Кавказе см.: [Казенин, 2014].

на определенное количество лет в аренду или в безвозмездное пользование. Переход общинных земель в частное владение запрещался.

Во-вторых, частные земли, хотя и допускались к продаже, не могли быть проданы человеку, не являвшемуся членом данной сельской общины. Рыночный оборот таких земель был жестко ограничен этим правилом, за нарушение которого могло последовать серьезное взыскание⁷.

Отметим, что вопрос о том, базируются ли перечисленные нормы на религиозном или обычном праве, является достаточно сложным и нами здесь не рассматривается. Существенным представляется то, что, как показали наши полевые исследования, в постсоветское время обе нормы рассматривались как относящиеся к традиции, к досоветскому, «доколхозному» земельному укладу.

2. Действие традиционных норм земельных отношений в дагестанских селах

Село Хуштада: традиционные нормы восстановлены «наполовину»⁸

Рассмотрение конкретных примеров мы начинаем с села, в котором спрос на землю является полностью «внутренним», то есть имеется только со стороны местных жителей или лиц, происходящих из данного села. Такая ситуация наблюдается в большинстве горных дагестанских сел. При отсутствии на земельном рынке игроков, «внешних» по отношению к данной сельской общине, наиболее естественно ожидать возрождения традиционного регулирования земельных отношений, существовавшего в условиях замкнутых сообществ. Однако в действительности такое возрождение может носить половинчатый характер.

Село Хуштада (население — около 1300 человек) находится в высокогорном Цумадинском районе Дагестана. Как и в некоторых других селах нагорного Дагестана, в Хуштаде в советское время не были полностью прерваны традиции исламского образования и культа. С распадом СССР имела место стремительная «исламизация» в организации хозяйства села. Как пишет В. О. Бобровников, сельские земли в начале 1990-х годов, после распада местного колхоза, оказались в фактическом ведении «мусульманской верхушки джамаата», то есть неформального совета мечетской общины села.

В первые постсоветские годы решением сельской общины Хуштады была сделана попытка восстановления тех земельных отношений, которые существовали в селе до коллективизации. Память о них в селе

⁷ См., например: [Мамсуров, Мамсурова, 2011. С. 66–81].

⁸ Описание земельных отношений в селе Хуштада основано на результатах полевого исследования, проведенного в 2013 году И. В. Стародубровской и Е. А. Варшавером. Описание земельных отношений в других селах основано на полевом исследовании, проведенном автором в 2014 году. Исследование проводилось методом углубленного интервьюирования жителей сел, в каждом селе было собрано не менее 30 интервью.

была еще жива, а в некоторых случаях сохранились и документы, указывавшие доколхозных владельцев тех или иных земельных участков. Восстанавливались как категории земель, установленные традиционным правом, так и права конкретных собственников, лишившихся земель во время создания колхоза. Реституция, правда, не коснулась частных жилых строений и участков под ними: на такие объекты были признаны права собственности тех, кто владел ими на момент распада колхоза. Зато механизм реституции был применен к землям сельскохозяйственного назначения. Был восстановлен традиционный институт частных земель сельчан. Земли, находившиеся в доколхозное время в частном владении у жителей села, в начале 1990-х годов были в основном заняты фруктовыми деревьями, и поэтому делили их «по деревьям». Если житель села мог обосновать, что его предки владели определенным земельным участком, этот участок безвозмездно передавался ему в собственность. Если же житель села не приводил доказательств своих наследственных прав на какой-либо конкретный участок, он получал участок на тех землях, на которые не претендовал никто из наследников их бывших собственников:

«Там, когда делили... комиссию создали в мечети, кто уверен в своих границах — пускай придет, поклянется. Пришел человек — ему отдавали. А оставшиеся деревья разделили поровну, среди наследников тех, кому принадлежала там раньше земля...»

Последнее замечание респондента показывает, что раздел земельных участков производился строго между жителями села, и, более того, множество потенциальных получателей участков было ограничено даже жестче: участки раздавались только тем, чьи предки владели на момент создания колхоза хоть какой-то сельскохозяйственной землей в селе.

Распределение земельных участков по этой схеме шло без какой-либо государственной регистрации прав собственности (на большинство участков регистрация прав так до сих пор и не проведена), то есть единственным гарантом прав на участки оставалась сельская община, принявшая данную систему их распределения. Отметим, что именно фактическим отсутствием государственного регулирования в земельной сфере после распада колхозной системы в горах Дагестана объясняют местные жители возрождение традиционной системы регулирования: альтернативой ей, по мнению респондентов из числа жителей села, стал бы хаос с земельными правами, сопровождаемый самозахватами земель, ущерб от чего для всего села был бы очевидным.

Западная часть горного Дагестана, в которой находится Хуштада, известна хорошей урожайностью фруктов, в особенности абрикосов. Имеются возможности их сбыта как на местных рынках, так и в городах дагестанской равнины. Следовательно, в приобретении участков, на которых находятся фруктовые деревья, для жителей, безусловно, есть экономический интерес. Вместе с тем решающего значения для сельских домохозяйств Хуштады наличие фруктового сада, видимо,

не имело. Об этом можно судить по высказываниям респондентов, утверждающих, что конфликты вокруг распределения участков не носили острого характера даже в тех случаях, когда одна из сторон оказывалась в явном проигрыше. Также жители села не свидетельствуют о попытках «внешних» предпринимателей приобретать в Хуштаде земли под фруктовые сады. Это может объясняться достаточным количеством земель, пригодных для разведения фруктовых садов, в этой части Дагестана за границами изучаемого села.

Возвращение к традиционным нормам земельных отношений в селении Хуштада, несмотря на значительную активность сельской общины по проведению реституции, оказалось неполным. Институт общинных земель, в традиционной системе обязательно сосуществовавших с частными, в Хуштаде после распада колхоза возрожден не был. Статус общинных в доколхозное время имели земли, расположенные значительно ниже основной части села, вблизи автомобильной дороги, идущей из районного центра. Раздача их в частное пользование не противоречила традиционным нормам, если предполагала временные права пользователя на эту землю (своего рода «безвозмездную аренду»). При этом категорически запрещалась продажа таких участков и передача их в неограниченное по времени владение. Тем не менее именно «нижние» участки, по своим ландшафтным характеристикам пригодные для строительства больше остальных сельских земель, многие из получивших их в ходе вышеописанной процедуры распределения земель застроили капитальными частными домами, что, разумеется, не предполагает временного характера использования этих земель. Беседы с респондентами показывают, что жители села, застраивая общинные земли, осознавали несоответствие такого шага «старым» нормам, то есть имело место сознательное нарушение данных норм. В настоящее время многие из владельцев этих участков планируют произвести государственную регистрацию своих прав собственности, что, разумеется, несовместимо со статусом общинных земель.

Таким образом, в селе Хуштада традиционная система регулирования земельных отношений демонстрирует избирательное действие. При отсутствии спроса на землю со стороны «внешних» покупателей, делающего избыточным запрет на продажу им земли, актуальным для земельного регулирования институтом (из числа рассматриваемых нами) в данном селе является разделение земель на общинные и частные. Мотивом для возрождения этого традиционного института и проведения на его основе реституции частных земель было стремление сельской общины избежать «вакуума» земельного регулирования. Однако этот институт оказывается действенным лишь наполовину: восстановлено традиционное регулирование на частных, но не на общинных землях. Фактическая приватизация бывших общинных земель, нарушающая традиционные нормы, связана с высоким спросом со стороны жителей села на расположенные на этих землях участки под застройку.

Село Шава: традиция как защита от «захватчика»

Село Шава существенным образом отличается от села Хуштада в том отношении, что находится на равнине и является переселенческим: оно возникло в ходе миграции дагестанских горцев на равнину во второй половине XX века (об обстоятельствах этой миграции см.: [Казенин, 2012]). Само по себе это позволяет ожидать в данном селе меньше элементов традиционной организации, чем в Хуштаде: ведь переезд, даже если он совершается не отдельными жителями, а сельской общиной целиком, уже только благодаря смене географических и экономических условий с большой вероятностью ведет к изменению привычного жизненного уклада, к поиску новых форм хозяйственной организации. Тем не менее пример села Шава показывает, что и горцы, оказавшиеся на равнине, идут на сознательное возрождение «горских» земельных отношений. Возрождение традиций в этом случае не является простой «данью уважения к прошлому», а мотивировано поиском институтов, максимально соответствующих интересам сельских жителей.

В селе Шава, по данным сельской администрации, в 2014 году проживали около 2500 человек. Они являются выходцами из разных сел горного Цумадинского района Дагестана. Само село Шава, однако, находится на территории равнинного Бабаюртовского района. Административное подчинение сел, физически расположенных на равнине, горным районам — явление, регулярно наблюдаемое в современном Дагестане (см.: [Казенин, 2012]). В таком положении находятся села, созданные на землях отгонного животноводства⁹. На практике еще в советское время такие земли стали местом интенсивной миграции горцев. Шава в этом плане не является исключением. Переезд туда горцев на постоянное жительство начался в 1960-е годы и продолжается до сих пор. Доход домохозяйств в селе складывается в основном из двух источников: скотоводства и сезонной работы отдельных членов семей по найму в других частях Дагестана или в других регионах России. На сегодня, по оценкам местных жителей, для выходцев из Цумадинского района село Шава является одним из наиболее «дешевых» направлений миграции. Шава расположена на значительном удалении как от крупных городов, так и от федеральной автодороги (30 км), вследствие чего стоимость земельных участков и домовладений там ниже, чем в среднем на дагестанской равнине. Вместе с тем имеющиеся в селе Шава условия для занятия животноводством (отсутствие дефицита пастбищ, сенокосных земель)

⁹ Земли отгонного животноводства на территории Республики Дагестан регулируются специальным региональным законом, согласно которому они находятся в собственности правительства региона и предоставляются в аренду сельскохозяйственным предприятиям. В основном эти земли находятся на равнине (более 800 тыс. га) и предоставляются в аренду горным хозяйствам. На землях отгонного животноводства располагается несколько десятков населенных пунктов, в которых проживают переселенцы из горной части Дагестана.

обеспечивают минимально необходимое благосостояние даже тем переселенцам с гор, которые в первое время после переезда не находят других источников доходов.

В советское время переселение в село Шава было жестко регламентировано существованием там «усадеб» различных колхозов и совхозов Цумадинского района: житель того или иного горного села обычно мог переселиться только на территорию, закрепленную за хозяйством его горного села. Так образовалось девять «кварталов» (иногда даже называемых «селами»), некоторые из которых примыкают друг к другу, а некоторые находятся на удалении в несколько километров от других «кварталов». Все они на данный момент входят в Шавинское сельское поселение. Принципиальное отличие сегодняшней ситуации от советского времени состоит в том, что требование к мигрантам заселяться только в «квартал», где проживают их односельчане, ни формальным, ни неформальным образом не действует. Точнее, советская практика поддерживается лишь в том плане, что при бесплатной выдаче участков (получателями которых могут оказаться и новые переселенцы с гор) сельская администрация следит за тем, чтобы выходец из того или иного горного села получал участок в своем «квартале». Но продажа домов и участков идет свободно, в том числе покупателем может быть человек, не имеющий отношения к тому селу, выходцами из которого заселен данный «квартал».

Судя по интервью респондентов в селе Шава, значимая угроза, которую они связывают с появлением «чужаков» в своих «кварталах», касается порядка использования пашен и пастбищ. Дело в том, что в постсоветские годы на дагестанской равнине, особенно в ее частях с малой плотностью населения, государственная система регулирования землепользования была и нередко остается по сей день очень неэффективной. Формально большинство земель сельхозназначения находятся в аренде у сельхозпредприятий (СПК или ООО). На землях отгонного животноводства такие предприятия получают значительные льготы по аренде, но нередко не в состоянии использовать весь объем предоставленных им земель, в ряде случаев сдавая такие земли неофициально в субаренду, а в ряде случаев вовсе не контролируя ситуацию на формально вверенной им земле. Самозахваты земель, «на бумаге» арендованных каким-либо предприятием, являются распространенной практикой. Неудивительно, что в условиях, когда государство этой практике не противостоит, любой вновь прибывший в село переселенец воспринимается как потенциальный «захватчик» сельхозземель.

Формой защиты от «захватчика» стало регулирование использования пашен и пастбищ по тем же принципам, по которым в горах регулируется использование общинных земель. Сельская община того или иного «квартала» устанавливает свою систему использования пашен и сенокосов, закрепленных за этим «кварталом» (формально эти земли чаще всего находятся в аренде у сельхозпредприятия, зарегистриро-

ванного в том горном селе, откуда родом жители данного «квартала»). Как и ожидается при регулировании использования общинных земель, эта система не предполагает передачи земель в частное владение, права жителей передавать участки таких земель по наследству, продавать, сдавать в аренду и т. д. Совет сельской общины, состоящий из глав всех входящих в квартал домохозяйств, устанавливает правила пользования землями и конкретную процедуру их распределения и может с любой частотой их пересматривать. Например, в «квартале», населенном выходцами из села Гадари Цумадинского района (60 домохозяйств на 2014 год), в соответствии с действовавшим примерно до 2012 года порядком, при котором сенокосы были распределены между родственными группами (тухумами), на которые делятся жители данного «квартала» (тухумов было всего пять; каждая бригада в местном СПК была сформирована из представителей одного тухума, и формально отводимая ей руководством СПК земля была именно той землей, что была закреплена за данным тухумом решением сельской общины). Затем было принято решение об отмене такого деления, мотивированное тем, что из-за отъезда жителей из села тухумы стали весьма неоднородны по численности и равное деление земли между ними несправедливо. Теперь сенокос на всех участках жители «квартала» осуществляют совместно, а скошенное сено распределяют между домохозяйствами:

«Косят его, по сколько тюков семье, считают, жребий кидают, посчитал тебе 300 тюков — это твои, потом следующие 300 тюков другому. У нас было так, что были разделены сенокосы, но по общему мнению года два назад было принято решение сделать их общим. У нас они были разделены на 5 семей, здесь сначала жили пять семей. Теперь объединили все, вместе косим. По этой причине бывает, что между джамаатом спор возникает. Некоторые, которые поженились, они потом уезжают, дом остается здесь, давать им сено или нет. Это решает общий джамаат. В любом случае решается большинством. Когда у тебя своя семья есть, ты можешь полным ходом голосовать. Неженатые молодые голосуют за мать, только если отца нет».

Существенно, что и прежняя, и новая система пользования сенокосными землями предполагает жесткое ограничение круга тех, кто может быть их «бенефициаром». Обычно это только выходцы из того горного села, за которым закреплён данный «квартал». Если в «квартале» поселяется выходец из другого села, то, не препятствуя ему в заселении, местная община не дает ему автоматического доступа к сенокосу. В отдельных случаях, когда переселенцам «со стороны» разрешается получать долю с сенокосных угодий, это, по словам респондентов, равнозначно включению данных переселенцев в местную сельскую общину. Но вопрос о таком включении должен решаться на собрании общины индивидуально по каждому переселенцу. Попытки самовольного доступа к сенокосам сельские общины готовы пресекать силовым путем, хотя до сих пор подобных ситуаций не возникало.

Из сказанного следует, что из двух традиционных норм землепользования — деления земель на общинные и частные и запрета на

продажу частных земель «чужакам» — в селе Шава действует только первая норма: восстановлена традиционная система пользования общинными землями. Жители села в ходе интервью отмечали, что этот выбор традиционной нормы для восстановления вовсе не случаен: респонденты признавали опасность захвата со стороны «чужаков» именно земель сельхозназначения, в том числе сенокосов. Как показывает практика дагестанской равнины, нередко там один предприниматель может силовым путем захватить сельхозземли целого села. В заселении же в село жителей, не имеющих отношения к местной сельской общине, значимой опасности жители села не видят, поскольку потенциал «внешней» миграции в село невелик: ни в одном из «кварталов» доля переселенцев, не имеющих отношения к представленной там сельской общине, не превышает 15%. По-видимому, переселенцы не достигают той «критической массы», при которой они могли бы подорвать влияние сельской общины, и потому мотивы для введения против их заселения каких-либо запретительных мер, в том числе базирующихся на традиционных нормах, отсутствуют.

Село Ботлих: традиционные механизмы уступают высокому спросу

Земельные отношения в селе Ботлих (12 159 жителей по всероссийской переписи населения 2010 года; находится в западной части нагорного Дагестана) были подробно описаны в: [Казенин, 2014]. Здесь мы коротко резюмируем результаты полевых исследований, представленные в указанной работе, и охарактеризуем мотивы возрождения традиционных норм землепользования в данном селе.

Ситуация в селе Ботлих иллюстрирует применение традиционного земельного регулирования в селах, где сохранилась общинная самоорганизация местных жителей, но где при этом имеется высокий спрос на землю, в том числе и со стороны лиц, не являющихся коренными жителями данного села. Именно повышенным спросом на землю со стороны «чужаков» село Ботлих отличается от уже изученных нами сел (напомним, что в селе Хуштада этого спроса не существует, а в селе Шава он низок). Этот повышенный спрос, вообще говоря, может оказывать разнонаправленное влияние на перспективу использования традиционных норм в земельной сфере. С одной стороны, запрет на продажу земель «чужакам» и на передачу в частное владение общинных земель может быть эффективным способом ограничения «экспансии» покупателей, не являющихся членами данной сельской общины, способом обеспечить сохранение контроля над землями со стороны сельской общины перед лицом «чужаков». С другой стороны, издержки от соблюдения этих традиционных норм для отдельных членов сельской общины при высоком спросе на землю возрастают: спрос на землю приводит к повышению ее цены, а значит, и к большим потерям потенциальной прибыли при отказе от сделок, нарушающих

традиционные нормы. Пример села Ботлих позволяет предположить, что именно последнее обстоятельство играет решающую роль: при существенном «внешнем» спросе на земли отход от традиционных норм земельного регулирования оказывается более заметным, чем в селах, где такого спроса нет.

При этом мотивы введения традиционных норм в Ботлихе в целом такие же, как в селах, рассмотренных выше: земельная реституция, проведенная в селе в первые постсоветские годы, имела целью препятствовать угрозе внутренних земельных конфликтов после распада колхоза. Также в селе был возрожден запрет на продажу земель «чужакам», который местные жители видели как форму защиты от миграции жителей соседних населенных пунктов, стремящихся переехать в Ботлих как в село с большими перспективами для трудоустройства и занятий бизнесом. Единственным фактором, определяющим действенность традиционных норм землепользования, возрожденных в селе, были репутационные издержки в случае их нарушения.

Однако фактор репутационных издержек оказался действенным в одних ситуациях и недейственным в других. Как отмечено в: [Казенин, 2014], наряду с возвращением земель, бывших в доколхозное время в частном владении, в Ботлихе имело место и возрождение статуса общинных земель, значительная часть которых была отдана в аренду нуждающимся, в соответствии с неформальными нормами, касающимися общинных земель. Но если продажи частных земель «чужакам» на протяжении всего постсоветского времени были и остаются в Ботлихе невозможными, то значительная доля арендаторов общинных земель, грубо нарушая традиционные правила, продали эти земли жителям других сел (ни аренда, ни последующая продажа первоначально не имели государственного оформления; в настоящее время идет постепенное оформление прав на участки общинных земель их фактических нынешних владельцев).

Объясняя данную асимметрию, следует прежде всего отметить, что она вряд ли обусловлена разницей в рыночной стоимости частных и бывших общинных земель. По нашим данным, участки на землях обоих видов продаются по примерно одинаковой цене, на 2014 год ее максимальный уровень составлял около 400 тыс. руб. за сотку. Поэтому неприемлемо объяснение, что отказ от свободной продажи участков на бывших общинных землях привел бы к большим финансовым потерям для коренных жителей села, чем отказ от свободной продажи на частных землях. Альтернативное объяснение, подтверждающееся нашими интервью с жителями села, состоит в том, что продажа земельного участка в той части села, где проживают коренные ботлихцы, влекла бы за собой для продавца большие репутационные издержки, чем при продаже участка на общинных землях. Дело в том, что продажа собственных родовых земель рассматривается в ботлихской общине как действие, порочащее продавца, даже в том случае, когда он продает эти земли односельчанину:

«Негласного запрета как такового нет, но у нас как говорят: если ты сегодня землю продал, завтра ты маму продашь. Это то, что тебе по наследству от предков досталось. У нас тут воспитание такое».

Применительно к продаже земель лицам, не являющимся коренными жителями села, это означает, что продажа участков на общинных землях наносила бы меньшие репутационные потери, чем продажа частных участков.

Таким образом, основной мотив введения норм традиционного регулирования земельных отношений в селе Ботлих состоял в стремлении местных жителей избежать хаоса в земельной сфере в условиях фактического отсутствия регуляторов земельных отношений. Вызовом для традиционной системы регулирования стала миграция в село, стимулировавшая спрос и рост цен на участки под строительство. Под давлением этого фактора система традиционного регулирования частично «отступила»: она продолжает функционировать лишь на части сельских земель.

Село Львовское-1: традиционные нормы как способ самоорганизации в условиях конфликта

Село Львовское-1 находится в равнинном Бабаюртовском районе Дагестана. Население на 2012 год — 1278 человек. Национальный состав — кумыки. В отличие от охарактеризованного выше равнинного села Шава, село Львовское-1 не является переселенческим, в нем живут коренные жители дагестанской равнины. Село на нынешнем месте было основано в 1930-е годы, так что права «доколхозного» частного владения землями в селе восстановлены быть не могли. Бабаюртовский район отличается тем, что значительная часть его территории (около 70%) относится к так называемым землям отгонного животноводства, статус которых мы охарактеризовали, описывая земельные отношения в селе Шава. Именно конфликт вокруг земель отгонного животноводства стал причиной введения во Львовском-1 традиционных норм земельного регулирования. Данное село отличается от рассмотренных выше тем, что в нем эти нормы были введены не в первые постсоветские годы, а лишь в конце 2000-х годов, в условиях нарастания земельного конфликта, в который оказалось вовлечено село. В ходе этого конфликта, не добившись желаемых решений от органов государственной власти, жители Львовского-1 сделали попытку установить на спорных землях регулирование на основе традиционных норм.

Предметом конфликта является участок пастбищных земель площадью около 800 га, находящийся в непосредственной близости от села и используемый для выпаса скота и для сенокоса. Эти пастбища относятся к землям отгонного животноводства. Еще в советское время этот участок был передан ряду колхозов и совхозов, базирующихся в горных селах. В 2010 году правительство Дагестана подписало с хо-

зайствами тех же сел договор о предоставлении им спорных земель в аренду на 49 лет, однако жители Львовского-1 в резкой форме заявили протест по поводу этих решений. В 2010 и 2011 годах между жителями Львовского-1 и Казбековского района, хозяйствам которого были предоставлены эти земли, несколько раз происходили столкновения, после которых несколько человек были госпитализированы с огнестрельными ранениями. После этого правительство Дагестана начало переговоры с жителями сел Казбековского района о предоставлении им альтернативных территорий на равнине, однако эти переговоры по состоянию на начало 2015 года не дали конкретного результата. Спорные земли по-прежнему сохраняют статус земель отгонного животноводства, не имея при этом никакого арендатора и в рамках государственного законодательства никак не используясь. При этом потребность в пастбищных и сенокосных землях у жителей Львовского-1 достаточно велика: количество крупного рогатого скота в селе на 2014 год, по данным сельской администрации, превышало тысячу голов, и земель, находящихся в границах села, недостаточно для успешного занятия скотоводством.

В этих условиях со стороны жителей Львовского-1 была предпринята попытка установить на неиспользуемых спорных землях систему регулирования, основанную на традиционных нормах. Отметим, что ранее вопрос о восстановлении традиционного регулирования во Львовском-1, по-видимому, не ставился. Действие традиционных норм началось с того, что неформальный избранный совет сельской общины — «джамаат» — объявил 800 га спорной территории общинными землями и ввел соответствующий порядок их использования. Этот порядок состоял в том, что, во-первых, земли предоставлялись для коллективного выпаса скота, а во-вторых, на землях осуществлялся сенокос, а доходы от реализации сена направлялись на благоустройство села (в 2013 и 2014 годах выручка от продажи «общественного» сена составляла ежегодно около миллиона рублей). Обеспечение такого порядка носило открыто силовой характер: из сельской молодежи были созданы «народные дружины», охраняющие земли и следящие за соблюдением порядка их использования сельчанами.

Жители села, в том числе имеющие непосредственное отношение к созданию данной системы регулирования, признают, что она никак не «вписывается» в российское законодательство и была задействована только по той причине, что в рамках государственного регулирования Львовское-1 не могло претендовать на получение спорных земель:

«Мы законно не можем... Вот джамаат сам решает, они сами там работают. Депутаты (сельского собрания депутатов) решить не могут, она же не наша земля. В любом суде наш протокол силы не имеет... У нас по закону такого понятия, — общественная земля, — нет».

Одновременно респонденты из Львовского-1 подчеркивают, что с точки зрения традиционных правовых норм, определяемых ими как «шариатские», спорные земли должны принадлежать их селу:

«Вот этот случай если возьмем, шариатское... понятие если взять, мы правы в любом случае» (в качестве доказательства правоты приводится то обстоятельство, что земли были предоставлены общине Львовского в 1930-е годы; дальнейшие решения советской власти по изменению статуса этих земель представители общины Львовского считают нелегитимными).

Одновременно с введением традиционного регулирования на землях, объявленных общинными, во Львовском-1 была реанимирована и другая традиционная норма, а именно запрет на продажу земли и недвижимости «чужим». После прецедента такой продажи сельский джамаат гласно наложил на нее запрет:

«Один человек на север ушел, чеченцу дом продал. Соседи собрались, собрали деньги, чтобы тому не обидно было, потом, постепенно, этот дом одному нашему продали. Там ведь как, один придет, он своих братьев, свой тухум приведет. Но у нас по шариату благословение на это не дают... Это был единичный случай, и потом джамаатский совет решил: чужому человеку, со стороны, никто не имеет права реализовать свой дом».

Из данной цитаты видно, что запрет на заселение в село всех не являющихся членами его общины был введен в качестве специальной меры именно в контексте противостояния с выходцами с гор, отдельные хозяйства которых оказались оппонентами жителей Львовского-1 в конфликте вокруг спорных земель. Этот конфликт требовал исключить проникновение в село представителей оппонирующей Львовскому-1 стороны, для чего, очевидно, был введен более широкий по «охвату» запрет на заселение всех «чужаков». Относительно запрета на продажу домов «чужакам» жители Львовского-1 тоже ясно осознавали, что он не соответствует российскому законодательству, но является «своим законом» в селе:

«По закону любой человек любому продавать имеет право. Но против своего закона мы, если в селе живем, идти же не можем».

Отметим, что в силу достаточной удаленности Львовского-1 от крупных городов и иных центров притяжения миграции спрос на дома в селе со стороны «чужих» низок: со слов респондентов, описанный эпизод был единственной известной им попыткой лиц, не относящихся к сельской общине, приобрести в селе недвижимость. Поэтому говорить об «устойчивости» или «неустойчивости» введенного запрета к рыночным тенденциям, а также о способности сельчан к регулярному силовому обеспечению данного запрета невозможно.

Итак, в селе Львовское-1 появление традиционных норм регулирования земельных отношений было обусловлено земельным конфликтом, в котором жители села не могли добиться желаемого результата в рамках российского законодательства. Обстоятельства конфликта были таковы, что традиционные нормы заполнили фактический вакуум регулирования земельных отношений желательным для жителей села образом. Одновременно традиционные нормы послужили эффективным «заслоном» для экспансии в село представителей горских общин, с некоторыми из которых село находилось в конфликте.

Выводы

Итак, нами были рассмотрены четыре случая действия традиционных норм земельного регулирования в сельском Дагестане. Из четырех исследованных сел в двух были попытки введения института частных и общественных земель, а также запрета на продажу частных земель «чужакам», а в двух — только попытки введения института частных и общественных земель. В таблице показано, насколько, согласно полевым данным, было успешным введение этих институтов в обследованных селах. Действие института частных и общественных земель в таблице охарактеризовано отдельно по двум параметрам: по тому, был ли проведен возврат частных земель их «доколхозным» владельцам (точнее, их потомкам) и был ли восстановлен статус общественных земель как не подлежащих приватизации.

Т а б л и ц а

Действие неформальных норм земельных отношений в изученных селах

Село	Институт общинных и частных земель		Запрет на продажу земель лицам, не являющимся членами сельской общины
	возврат частных земель прежним владельцам	общинное управление общественными землями	
Хуштада	Осуществлен	Не вводилось	Не вводился
Шава	Невозможен	Действует	Не вводился
Ботлих	Осуществлен	Не действует	Частично действует
Львовское-1	Невозможен	Действует	Действует

Возврат частных земель их прежним владельцам в двух из рассмотренных нами сел (Львовском-1 и Шаве) невозможен, так как эти села не существовали в досоветское время и там не было частных земельных прав, которые могли бы быть восстановлены. В тех селах, где реституция частных земель могла быть проведена (Хуштада и Ботлих), это было сделано уже в первые постсоветские годы. Ее мотивом, согласно комментариям наших респондентов, было стремление избежать хаоса в распределении земельных участков в отсутствие государственного регулирования земельных отношений в указанный период.

Введение института общественных земель имело место во всех селах, кроме Хуштады, где, как мы видели, именно общественные земли оказались наиболее удобными для использования под строительство, то есть отказ от их передачи в частное владение не соответствовал интересам сельчан. В Ботлихе была сделана попытка возродить институт общинных земель в условиях отсутствия госрегулирования земельных отношений в начале 1990-х годов, однако она не была успешной, поскольку при высоком спросе на землю со стороны приезжих местные жители, неформально получившие в аренду участки на общественных землях, были заинтересованы в их продаже. Успешным оказалось введение этого института в селах Львовское-1 и Шава. В первом случае

квалификация земель как общинных позволила жителям неформально обосновать свою позицию в земельном конфликте и перейти к силовой защите спорных земель. Во втором случае общинное управление послужило противовесом ожидаемым самозахватам земель. То есть в обоих селах данный институт выполнял практическую функцию в интересах местных жителей.

Что касается запрета на продажу земель лицам, не являющимся членами сельской общины, то в двух из рассмотренных сел, Хуштаде и Шаве, он не вводился. Мы видели, что в обоих этих селах нет существенного спроса со стороны «чужаков» на земли под застройку. Во Львовском-1 данный запрет был введен в условиях конфликта и имел «тактическую» цель не допустить проникновения в село представителей противоборствующей стороны. Наконец, в Ботлихе данный запрет имеет «половинчатое» действие: он распространяется на частные земли, возвращенные в порядке реституции, но не на общественные земли, фактически оказавшиеся в частном владении в нарушение традиционных норм. В первом случае мы имеем, по-видимому, единственный в нашем исследовании пример, когда использование неформального института действительно мотивировано в первую очередь желанием соблюсти традиции и избежать репутационных издержек в случае их нарушения. Во втором случае материальная выгода от нарушения традиционной нормы оказывается более значимой, чем эти издержки.

Подведем итог. Полевое исследование показало, что введение традиционных норм в сфере земельных отношений в постсоветском Дагестане в большинстве случаев имеет практическую мотивацию, связанную с защитой интересов местных жителей в условиях, когда государственное регулирование в земельной сфере либо неэффективно, либо приводит к результатам, неприемлемым для сельской общины. Жители исследуемых сел чаще всего определяют причину введения в этих селах традиционных норм не абстрактной «верностью предкам», а практической пользой, которую обеспечивает им эта норма. Действие всего одной нормы и лишь в одном из исследованных сел было объяснено моральными издержками от ее нарушения. При этом в случае, если та или иная традиционная норма вступает в явное противоречие с личными материальными интересами жителей села, может иметь место ее сознательное нарушение.

Полученные результаты позволяют делать прогнозы относительно сохранности традиционных норм, основанные на конкретных особенностях социально-экономической ситуации в изучаемой местности. Можно сделать как минимум два предположения о действии традиционных норм на Северном Кавказе в ближайшем будущем. Во-первых, их действие будет тем вероятнее, чем менее эффективным будет государственное регулирование. Во-вторых, их действие наименее ожидаемо в тех местностях, где имеется повышенный по сравнению с регионом в целом рыночный спрос на активы, регулируемые

данными нормами. Общая степень «традиционности» общественного сознания, память общества о прежнем жизненном укладе может служить фоном, благоприятным для возрождения традиционных норм, но редко является единственной его причиной.

Литература

1. *Агларов М. А.* Сельская община под реформами XIX — первой трети XX в. // Обычай и закон в письменных памятниках народов Дагестана V — начала XX в. / Под ред. В. О. Бобровникова. М.: Марджани, 2009. С. 26—39.
2. *Албогачиева М. С.-Г.* Особенности взаимодействия российской судебно-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества // Общество как объект и субъект власти: очерки по политической антропологии Кавказа / Под ред. Ю. Ю. Карпова. СПб: Петербургское востоковедение, 2012. С. 142—208.
3. *Бабич И. Л., Бобровников В. О.* Северный Кавказ в составе Российской Империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
4. *Бобровников В. О.* Правовой плюрализм дагестанского адата // Обычай и закон в письменных памятниках народов Дагестана V — начала XX в. / Под ред. В. О. Бобровникова. М.: Марджани, 2009.
5. *Бобровников В. О.* Изобретение исламских традиций в дагестанском колхозе // Дагестан и мусульманский восток / Под ред. А. К. Аликберова, В. О. Бобровникова. М.: Марджани, 2010. С. 125—149.
6. *Казенин К. И.* Элементы Кавказа: земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: Regnum, 2012.
7. *Казенин К. И.* Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма (на примере Северного Кавказа) // Экономическая политика. 2014. № 3. С. 178—198.
8. *Карпов Ю. Ю.* Горное дагестанское селение: от традиционного джамаата к нынешнему социальному облику // Северный Кавказ: Традиционное сельское общество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения / Под ред. С. А. Штыркова. СПб.: Наука, 2007. С. 5—74.
9. *Карпов Ю. Ю.* Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Л. И. Лаврова / Под ред. Ю. Ю. Карпова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 121—187.
10. *Мамсуров Ш. М., Мамсурова А. Г.* Социально-экономическое и политическое развитие северо-западного Дагестана в конце XVIII — первой половине XIX века (на примере Салатавского союза сельских общин). Махачкала, 2011. С. 66—81.
11. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
12. *Соколов Д. В.* Конкуренция социально-экономических укладов: джамаат против колхоза // Двадцать лет без колхозов / Под ред. Д. В. Соколова, Х. Г. Магомедова. М.: Ramcom, 2013. С. 7—30.
13. *Штырков С. А.* Прогрессивные народные традиции: обретение и изобретение (случай Северо-Осетинской ССР в 1960-е годы) // Общество как объект и субъект власти: очерки по политической антропологии Кавказа / Под ред. Ю. Ю. Карпова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. С. 209—246.
14. *von Benda-Beckmann F., von Benda-Beckmann K.* Myths and stereotypes about adat law: A reassessment of Van Vollenhoven in the light of current struggles over adat law in Indonesia // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. 2001. Vol. 167. No 2—3. P. 167—195.

15. Dupret B. Legal traditions and state-centered law: Drawing from Tribal and customary law cases of Yemen and Egypt // *Nomadic Societies in the Middle East and North Africa: Entering the 21st century* / D. Chatty (ed.). London: Brill, 2006. P. 280—301.
16. *Salim A.* Dynamic legal pluralism in Indonesia: The shift in plural legal orders of contemporary Aceh // Max Plank Institute for Social Anthropology Working Papers. 2009. No. 110.

Ekonomicheskaya Politika, 2015, vol. 10, no. 3, pp. 113–133

Konstantin KAZENIN, Cand. Sci (Philol.). E-mail: kz@ranepa.ru.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(82, Vernadskogo prosp., Moscow, 119571, Russian Federation).

Land Property Regulation in Daghestan: Socio-economic Basis of ‘Traditionalization’

Abstract

The paper studies partial revival of informal institutions based on religious and traditional law in land property issues on North Caucasus after the collapse of the Soviet Union. On the basis of field data collected by the author it is argued that that revival was not due just to adherence of local people to traditions and their willingness to follow them again. The revival of traditional regulation has clear socio-economic reasons. They are discussed in the present paper in terms of institutional theory.

Key words: institutional theory, institutional change, informal institutions, land property, North Caucasus.

JEL: O17.

References

1. Aglarov M. A. Rural community before the reforms of the 19th — the first third of the 20th century. In: V. Bobrovnikov (ed.) *Custom and law in literary documents of the peoples of Daghestan of the 5th — beginning of 20th centuries*. Moscow: Mardzhani, 2009, pp. 26-39.
2. Albogachieva M. S.-G. Aspects of interaction between the Russian judiciary system and the traditional legal institutions of the Ingush society. In: Ju. Karpov (ed.). *The society as the object and the subject of power: essays of political anthropology of the Caucasus*. St. Petersburg: Petersburgskoje vostokovedenie, 2012, pp. 142-208.
3. Babich I., Bobrovnikov V. *North Caucasus as a part of Russian Empire*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.
4. Bobrovnikov V. Legal pluralism of the Daghestanian traditional law. In: V. Bobrovnikov (ed.). *Custom and law in literary documents of the peoples of Daghestan of the 5th — beginning of 20th centuries*. Moscow: Mardzhani, 2009.
5. Bobrovnikov V. Invention of Islamic traditions in Daghrstnianian kolkhoz. In: A. Alikberov, V. Bobrovnikov (eds.). *Daghestan and Islamic East*. Moscow: Mardzhani, 2010, pp. 125-149.
6. Kazenin K. *Elements of the Caucasus: land, authority and ideology in the republics of North Caucasus*. Moscow: Regnum, 2012.
7. Kazenin K. Perspectives of institutional approach to legal pluralism (the case of North Caucasus). *Ekonomicheskaja politika*, 2013, no. 3, pp. 178-198.
8. Karpov Ju. Mountain village of Daghestan: from the traditional community towards the contemporary social profile. In: S. Shtyrkov (ed.). *North Caucasus: traditional rural society, social roles, public opinion, authority*. St. Petersburg: Nauka, 2007, pp. 5-74.
9. Karpov Ju. Traditional mountain communities in the Caucasus: functioning in light of the history of interpretations. In: Ju. Karpov (ed.). *Traditions of the peoples of the*

- Caucasus in the changing world: continuity and gaps in sociocultural practics*. St. Petersburg: Petersburgskoe vostokovedenie, 2010, pp. 121-187.
10. Mamsurov Sh. M., Mamsurova A. G. *Socioeconomic and political development of north-western Daghestan in the end of the 18th — first half of the 19th centuries (the case of Salatau rural union)*. Makhachkala, 2010, pp. 66-81.
 11. North D. *Institutions, institution change and economic performance*. Moscow: Nachala, 1997.
 12. Sokolov D. Competition of socioeconomic modes: zhamaat against kolkhoz. In: D. Sokolov, Kh. Magomedov (eds.). *Twenty years without kolkhozes*. Moscow: Ramcom, 2013, pp. 7-30.
 13. Shtyrkov S. Progressive ethnic traditions: obtaining and invention (the case of North Ossetia in the 1960s). In: Ju. Karpov (ed.). *The society as the object and the subject of power: essays of political anthropology of the Caucasus*. St. Petersburg: Petersburgskoje vostokovedenie, 2012, pp. 209-246.
 14. von Benda-Beckmann F., von Benda-Beckmann K. (2001). Myths and stereotypes about adat law: A reassessment of Van Vollenhoven in the light of current struggles over adat law in Indonesia. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*, 2001, vol. 167, no. 2-3, pp. 167-195.
 15. Dupret B. Legal traditions and state-centered law: Drawing from Tribal and customary law cases of Yemen and Egypt. In: D. Chatty (ed.). *Nomadic Societies in the Middle East and North Africa: Entering the 21st century*. London: Brill, 2006, pp. 280-301.
 16. Salim A. Dynamic legal pluralism in Indonesia: The shift in plural legal orders of contemporary Aceh. *Max Plank Institute for social anthropology working papers*, 2009, no. 110.